

Международное уголовное право

РАЗВИТИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ УГОЛОВНЫХ СУДОВ

А. А. Асатур*

Идея создания международного уголовного суда для предания правосудию индивидов, включая высших государственных должностных лиц, ответственных за совершение серьезных нарушений международного права, имеет длительную историю. Много раз мировое сообщество вплотную подходило к ее воплощению в жизнь.

Так, после окончания Первой мировой войны в Версальский мирный договор 1919 г. были включены положения, предусматривавшие механизм привлечения военных преступников к уголовной ответственности. В частности, предусматривалось создание специального международного трибунала, состоящего из представителей пяти союзных держав (США, Великобритании, Франции, Италии и Японии) для суда над бывшим Германским императором Вильгельмом II. В силу ряда причин этот механизм так и не был востребован.

После Второй мировой войны союзники по антигитлеровской коалиции заключили соглашения об учреждении Нюрнбергского и Токийского трибуналов для привлечения к ответственности главных германских и японских военных преступников. Несмотря на то, что эта акция была сопряжена с рядом юридических трудностей, на которые до сих пор обращают внимание отечественные и зарубежные исследователи, правомерность создания и деятельности этих трибуналов уже не вызывает сомнений.

В августе 1990 г., в связи с вторжением Ирака в Кувейт, снова оказалась актуальной проблема создания суда для уголовного преследования лиц за международные преступления. Идея привлечения иракского лидера к ответственности получила широкую поддержку, и вопрос об учреждении для этого специального международного органа был передан на рассмотрение в ООН. В частности, министр

* Выпускник МГИМО(У) МИД РФ.

иностранных дел Люксембурга, выступая в качестве председателя совета министров Европейских сообществ, обратился к Генеральному Секретарю ООН с просьбой рассмотреть вопрос личной ответственности иракских лидеров и возможность предания их правосудию перед международным судом¹. Однако, несмотря на поддержку европейских лидеров, данная инициатива так и не получила дальнейшего развития на международном уровне.

Тем не менее, уже в мае 1991 г. была озвучена идея создания международного трибунала для судебного преследования за нарушения международного гуманитарного права, совершенные в ходе боевых действий на территории бывшей Югославии. К этому времени вооруженные столкновения в Боснии и Герцеговине приобрели характер военного конфликта, сопровождавшегося огромными потерями среди мирного населения, и действительно требовали вмешательства международного сообщества. Тем не менее, учреждение Международного трибунала по бывшей Югославии в качестве одного из инструментов урегулирования оказалось беспрецедентным во всех отношениях. Следует также отметить, что недвусмысленные заявления представителей Западной Европы и США, предшествовавшие созданию Трибунала, давали основание рассматривать эту акцию как санкцию, направленную против одной из сторон в конфликте, ответственность за последствия которого разделяют все его участники. На международных конференциях по бывшей Югославии Белград назывался главным источником зла, а сербы заранее обвинялись в "нарушениях международного права" и "умышленных и систематических актах террора против других наций"².

Проект устава трибунала по бывшей Югославии был утвержден Советом Безопасности 25 мая 1993 г. резолюцией 827. В данной резолюции СБ постановил учредить "на основании главы VII Устава ООН" Международный трибунал "с единственной целью судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии, в период с 1 января 1991 года и по дату, которая будет определена Советом Безопасности после восстановления мира".

С самого начала предполагалось, что международные трибуналы не подменяют собой национальные суды, которые играют решающую роль в борьбе с международными преступлениями. Не случайно в планы союзников по окончании первой и второй мировых войн входило проведение судебных процессов на территории государств, где были совершены военные преступления. Сами международные трибуналы, действовавшие от имени мирового сообщества, обладали ограниченной предметной и персональной юрисдикцией: в сферу их компетенции входили преступления, совершенные "главными военными преступниками".

К компетенции международных уголовных судов, таким образом, традиционно относились лишь наиболее опасные преступления, имеющие международное значение и угрожающие жизненно важным интересам мирового сообщества в целом, и потому требовавшие совместной реакции со стороны государств: преступления против

мира, военные преступления, а также преступления против человечности. Характер этих преступлений таков, что они ставят под угрозу международный мир и международную безопасность. По мере развития международного уголовного права, принятия различных гуманитарных конвенций предметная юрисдикция трибуналов расширялась и дополнялась новыми группами международных преступлений.

Уставы этих международных трибуналов, аналогичные национальным уголовным кодексам, отражают современный им уровень развития международного уголовного права, в частности, криминализацию тех или иных деяний введение их в разряд международных преступлений. В этой связи зачастую возникают вопросы о правомерности включения в уставы трибуналов тех или иных деяний в качестве международных преступлений с учетом принципа недопустимости обратного действия уголовного закона. Действительно, международный трибунал в целях обеспечения прав обвиняемых должен руководствоваться принципами правосудия, общими для любого судебного органа. Таким образом, перед трибуналом встает достаточно сложная задача установить существование в момент совершения конкретных деяний соответствующей нормы общего международного права, признающей преступный характер данных деяний.

В связи с деятельностью трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, особую остроту приобретает вопрос о включении в предметную юрисдикцию международных уголовных судов преступлений, совершенных в ходе внутренних вооруженных конфликтов т.е. деяний, ранее традиционно относившихся к исключительной внутренней компетенции государств. В частности, высказываются сомнения относительно правомерности включения в уставы международных уголовных судов деяний, которые хотя и запрещаются международными гуманитарными конвенциями, но в отличие, например, от так называемых "серьезных нарушений" Женевских конвенций, в отношении них не предусматривается ни универсальная юрисдикция, ни международная уголовная ответственность, т.е. не установлен преступный характер данных деяний как международных преступлений.

В свое время предметная юрисдикция Трибунала по бывшей Югославии была оспорена на этом основании Душко Тадичем, обвиненным в совершении ряда международных преступлений. Решение Трибунала по данному вопросу может рассматриваться как одна из наиболее основательных попыток отследить и систематизировать современные тенденции в развитии международного гуманитарного права. В соответствии с положениями Устава, Тадич обвинялся в совершении таких преступлений, как изнасилования, убийства, пытки и бесчеловечное обращение, которые составляли серьезные нарушения Женевских конвенций 1949г., преступления против человечности, а также нарушения законов и обычаев войны.

Оспаривая предметную юрисдикцию, обвиняемый утверждал, что вменяемые ему преступления совершены во время внутреннего вооруженного конфликта, и что статьи Устава Трибунала, указанные в

обвинительном заключении, относятся только к преступлениям, совершенным во время международных конфликтов.

Тем не менее, Апелляционная камера Трибунала по бывшей Югославии пришла к выводу о том, что на сегодняшний день сложился комплекс международных обычных норм, распространяющихся на внутренние вооруженные конфликты и касающихся защиты гражданского населения и гражданских объектов, избежания излишних разрушений, выбора методов и средств ведения боевых действий, и т.д. (п.127)³. Таким образом, под юрисдикцию Трибунала подпадают не только нарушения законов и обычаев международного вооруженного конфликта в бывшей Югославии, но и аналогичные нарушения, совершенные в ходе столкновений, носящих внутренний характер.

Апелляционная камера, обосновывая это важнейшее решение, существенно расширяющее предметную юрисдикцию Трибунала, ссылаясь на практику различных государств, которые распространяли на внутренние конфликты общие принципы и нормы, регулирующие конфликты между государствами.

Действительно, в свое время считалось, что международная уголовная ответственность за какое-либо деяние согласно принципу *nullum crimen sine lege** требует существования в международном праве не только запрещения определенных действий, но и четкого закрепления преступного характера таких действий. Эта точка зрения, однако, опровергается практикой создания и деятельности международных трибуналов. На Нюрнбергском процессе, в частности, в основу обвинения легли действия, которые в международных конвенциях прямо не назывались преступлениями, и в отношении этих действий индивидуальная уголовная ответственность прямо не предусматривалась. Среди таких действий можно выделить преступления против мира и, в частности, развязывание агрессивной войны, преступный характер которой, несмотря на все усилия, к началу второй мировой войны так и не удалось закрепить в международных конвенциях. Ввиду очевидных пробелов в международном договорном праве государства-обвинители на Нюрнбергском процессе придавали большое значение тому факту, что в положениях Устава Международного военного трибунала закреплены общепризнанные нормы международного права, существовавшие еще до создания Трибунала в виде международных обычаев. Свидетельством существования этих норм служила практика признания и соблюдения их государствами, а также деятельность различных международных организаций и форумов, направленная на подтверждение и закрепление этих норм в международном праве. Эти нормы стали частью общего международного права и применялись вне зависимости от участия государств в тех или иных конвенциях.

Надо заметить, что со времени Нюрнбергского процесса работа различных международных судебных органов основывается именно на таком подходе. Так, судьи Трибунала по бывшей Югославии в решениях по юрисдикции Трибунала часто опираются на законодательную практику государств, подготовительные документы международных конференций, решения органов международных

* Никто не может быть обвинен, кроме как по закону (*лат.*)

организаций. Преимущества этого подхода на современном этапе развития международного уголовного права очевидны. В этой связи важно отметить, что международные суды, сталкиваясь с пробелами в кодифицированных источниках международного уголовного права, должны придерживаться четких критериев, позволяющих обнаружить в несистематизированном правовом материале истинные международно-правовые нормы, разграничивая их с международными обычаями, не носящими общеобязательного характера. Иначе судьи рискуют взять на себя законодательные функции, буквально на ходу создавая правовые нормы, не поддерживаемые правовой практикой, придавая им обратное действие.

Рассматривая вопрос о международной криминализации нарушений общей статьи 3 Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительного протокола II 1977 г., Теодор Мерон обращает внимание на попытки смешать вопрос криминальности (criminality) с вопросом юрисдикции и санкции⁴. Отсутствие в Конвенциях более или менее определенной санкции за конкретные деяния, не попадающие в категорию “серьезных нарушений”, или положений, устанавливающих юрисдикцию в отношении этих деяний, не означает, что эти деяния не могут повлечь индивидуальную уголовную ответственность.

Понятие серьезных нарушений было введено Женевскими конвенциями 1949 г. Уголовный механизм этих конвенций требует от участвующих государств криминализировать определенные действия во внутреннем праве, а также подвергать преследованию или выдавать другому государству лиц, виновных в их совершении. Помимо “серьезных нарушений” Женевские конвенции вводят категорию “другие нарушения”, которые уже с меньшей очевидностью носят уголовный характер. Речь, в частности, идет о нарушениях положений общей статьи 3 Конвенций и Дополнительного протокола II 1977 г., распространяющихся на конфликты, не носящие международного характера.

Действительно, ни общая статья 3 Женевских конвенций, ни Дополнительный протокол II, не содержат положений о наказании за их нарушения. Однако, те положения Женевских конвенций, нарушение которых составляет серьезные нарушения, также не предусматривают мер наказания для преступников и при этом устанавливают основание как для индивидуальной уголовной ответственности, так и для универсальной юрисдикции. Таким образом, определение санкций за конкретные нарушения Женевские конвенции оставляют на усмотрение государств или соответствующих международных трибуналов.

Кроме того, соблюдение данных запрещающих норм возлагается в конечном итоге на индивидов. Как указывал Нюрнбергский трибунал, преступления против международного права совершаются людьми, а не абстрактными образованиями, и только путем наказания индивидов, совершающих такие преступления, можно обеспечить соблюдение международного права.

Опыт показывает, что злодеяния, совершаемые в ходе отдельных внутренних вооруженных конфликтов, таких как конфликт в Боснии

и Руанде, сопоставимы по своим масштабам и последствиям со злодеяниями, совершаемыми во многих международных конфликтах. В этой связи представляется закономерной международная криминализация подобных преступлений на основе международных конвенций и обширной законодательной и судебной практики государств, подтвержденная в уставах и решениях международных трибуналов.

С принятием в 1998 г. на дипломатической конференции в Риме Статута Международного уголовного суда мировое сообщество вплотную подошло к созданию единой системы международного уголовного правосудия, которая должна заменить отдельные трибуналы *ad hoc**, обладающие ограниченной временной и территориальной юрисдикцией, и обеспечить единообразное применение норм международного уголовного права, в том числе, распространяющихся на немеждународные конфликты. При этом необходимо отметить то обстоятельство, что в основе этой системы будет не решение органа ООН, вторгающееся в сферу национальной юрисдикции государств, а многостороннее международное соглашение, такое как Статут Международного уголовного суда. Государства, становясь участниками Статута, добровольно берут на себя обязательство сотрудничать с Судом, передавать ему необходимую информацию, а также выполнять его приказы и просьбы о выдаче обвиняемых. При этом государствам не требуется заключать с Судом каких-либо дополнительных соглашений, регулирующих вопросы выдачи преступников, подобных тому, которое было заключено в 1996 г. между Трибуналом по бывшей Югославии и США.

Характерно, что порядок создания международных трибуналов *ad hoc* посредством решения Совета Безопасности, фактически устанавливающего свой диктат над национальным правопорядком отдельных государств, с самого начала доказал свою неэффективность. Воздержание государств от принятия необходимых имплементирующих законодательных актов и отказ сотрудничать, по признанию самого Трибунала по бывшей Югославии, стали одним из главных препятствий в его деятельности. Совет Безопасности имеет дело с независимыми государствами, которые, несмотря на применяемые против них политические, экономические или даже военные меры, не утрачивают своего суверенитета, и поэтому опыт создания Нюрнбергского трибунала в настоящее время не может быть заимствован.

Ввиду этого, единственной приемлемой формой создания международного уголовного суда, несмотря на все присущие ей сложности, является договорная форма. Тем более отраднo, что государствам в результате многолетней работы удалось на Римской конференции прийти к единому тексту такого соглашения, которое, хотя отчасти и носит компромиссный характер, в целом обеспечивает будущий Суд солидной правовой базой, включающей последние достижения в области международного уголовного права, и при этом использует весь положительный опыт, накопленный за годы работы предыдущих международных трибуналов.

Свидетельством этой преемственности могут служить, в частнос-

* По случаю, разового характера (*лат.*)

ти, положения Римского статута, касающиеся преступлений, совершаемых в ходе конфликтов, не носящих международный характер. Как указывалось выше, еще Трибуналы по бывшей Югославии и Руанде в своих решениях подтвердили существование в общем международном праве норм, признающих определенные нарушения, совершаемые в ходе внутренних конфликтов, в качестве международных преступлений. Римский статут расширяет перечень таких преступлений, дополнив его рядом военных преступлений. Помимо "серьезных нарушений" Женевских конвенций 1949 г., традиционно считавшихся уголовно-наказуемыми деяниями, Статут вводит понятие *серьезных нарушений* общей для Конвенций статьи 3, распространяющейся на конфликты немеждународного характера. Включение соответствующих положений в Устав Трибунала по Руанде и в Римский статут позволяет говорить об окончательной международной криминализации данных нарушений.

Римский статут выгодно отличается от Уставов Трибуналов по бывшей Югославии и Руанде в плане конкретизации составов преступлений. Это дает основания считать, что судьям будущего Международного суда при квалификации тех или иных деяний не придется опираться в основном на международное обычное право, установление точного содержания положений которого требует глубокого и всестороннего анализа практики государств и международных организаций. Тем не менее, даже учитывая современный уровень развития и конкретизации норм международного уголовного права, следует отметить чрезмерную обобщенность, свойственную подобного рода документам. Положения Уставов и Римского статута подлежат непосредственному применению к индивиду, что, по нашему мнению, требует высокого уровня их определенности, а также завершенности, в частности, наличия меры наказания. Такой определенностью обладают положения Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества, принятие которого существенно облегчило бы работу международным уголовным судам.

Характерно, что деятельность будущего Международного суда будет осуществляться в тесном контакте с Организацией Объединенных Наций. С учетом ответственности Совета Безопасности за поддержание международного мира и безопасности, а также его возможностей по обеспечению исполнения судебных решений, закрепление в Римском статуте его особой роли в деятельности Международного уголовного суда представляется логичным. Тем не менее, в связи с отказом США и Китая становиться участниками Римского статута, видимо, следует пересмотреть те положения Статута, которые закрепляют за СБ полномочия по вмешательству в судебное производство и тем самым ограничивают его независимость.

В целом, Статут Международного уголовного суда подтверждает непреходящее значение принципов Нюрнбергского трибунала и вселяет надежду на то, что эти принципы будут применяться в равной степени ко всем преступникам, независимо от их государственной принадлежности. В этой связи вызывают особую озабоченность попытки отдельных государств умалить значение достигнутых в Риме результатов. Так, неубедительными представляются аргументы, выдвинутые

США в обоснование своего отказа становиться участниками Римского статута. В частности, высказываются опасения, что если американские граждане окажутся на скамье подсудимых Международного суда, они будут лишены тех процессуальных гарантий, которые им предоставляет американская конституция. По этому поводу один американский автор пишет, что "если взглянуть на Югославский трибунал как на пример того, что можно ожидать от Международного уголовного суда, оказывается, что многие правовые гарантии, которыми американцы пользуются согласно Биллю о правах будут недоступны, если американцы предстанут перед Международным уголовным судом"⁵.

Такая позиция является ничем иным, как выражением политики двойных стандартов: для себя одни законы, для других другие. В свое время ничто не помешало правительству США с готовностью признать юрисдикцию Трибунала по бывшей Югославии. В этой связи, как указывалось выше, было заключено даже отдельное соглашение, регулирующее порядок выдачи обвиняемых Трибуналу. По-видимому, американское правительство уверено в том, что среди обвиняемых Югославским трибуналом американских граждан не будет. В то же время, граждане США вполне могут попасть под необычайно широкую юрисдикцию Международного уголовного суда, особенно учитывая теперешнюю активность американского военного ведомства.

Напомним, что США всегда выступали в роли главных инициаторов и участников создания прежних международных трибуналов, а также принимали самое активное участие в разработке Статута Международного уголовного суда, текст которого принимался с учетом предложений американской стороны. Отказ США становиться участниками Статута, видимо, связан с тем, что обязательства, которые они должны были на себя возложить, не вписываются в их представление о собственной роли в современном мироустройстве. Вместо подконтрольного ему международного судебного механизма американское правительство на самом деле опасается получить самостоятельный действующий институт, перед которым все государства несут равные обязательства.

З. Бжезинский в одной из своих нашумевших работ писал, что "американское превосходство породило новый мировой порядок, который не только копирует, но и воспроизводит за рубежом многие черты американской системы". Причем среди ее основ автор выделяет "рудиментарную глобальную конституционную и юридическую структуру от Международного Суда до специального трибунала по рассмотрению военных преступлений в Боснии"⁶. Попытки отдельных государств использовать международные судебные органы как инструмент внешней политики подрывает веру мирового сообщества в международное правосудие. Может возникнуть впечатление, что механизм индивидуальной ответственности за международные преступления на практике задействуется только против государств, неспособных противостоять так называемой гуманитарной интервенции со стороны "мирового сообщества".

В этом смысле на Международный уголовный суд возлагаются

большие надежды. Этот орган при всей критике в его адрес обладает рядом неоспоримых преимуществ перед любым чрезвычайным международным трибуналом: везде где бы ни совершались международные преступления, будут применяться единые стандарты правосудия, а жертвы этих преступлений смогут рассчитывать на одинаковую защиту. В Римский статут заложен достаточный потенциал для того, чтобы этот орган смог гарантировать в наступающем столетии торжество закона над "правом силы" при условии сохранения своей независимости, беспристрастности и эффективности.

¹See: Letter from *Mr. Poos*, President-in-Office of the Council of Ministers of the European Communities, to the Secretary-General of the United Nations. 16 April 1991. <http://www.un.org/icty/pathtc.htm>

²Speech of the German Minister of Foreign Affairs, *Dr. Kinkel*, at the London Conference on the Former Yugoslavia. 26 August 1992. <http://www.un.org/icty/pathtc.htm>

³Appeals Chamber Decision On the Tadic Jurisdictional Motion, Case No. IT-94-I-AR72, Oct. 2, 1995.

⁴See: *Theodor Meron* 'International Criminalization of Internal Atrocities' 89 American Journal of International law/ 554 (1995), p.561.

⁵*Gary T. Dempsey* 'Reasonable Doubt. The Case against the Proposed International Criminal Court'. Cato Policy Analysis № 311, July 16, 1998 <http://www.cato.org/pubs/pas/pa-311.html>

⁶*Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 1998. с. 41.

Статья поступила в редакцию в июне 1999 г.